

4
251
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK 251 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
XV**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАРТУ 1970

ЗАПРЕЩЕННАЯ КНИГА А. С. СУВОРИНА

(Из истории литературно-общественной борьбы 1860-х годов).

П. С. Рейфман

4-го апреля 1866 г. Каракозов стрелял в Александра II. В этот же день в петербургский цензурный комитет была представлена книга «Всякие», подписанная именем А. Бобровский. Она вызвала громкий цензурный скандал, была арестована, тираж ее уничтожили, книга стала причиной первого литературного процесса, происходившего осенью того же года в петербургском окружном суде. Цензор Ф. П. Еленев на заседании комитета 6-го апреля 1866 г. утверждал, что книга «Всякие» крайне вредна, что она «прямо рассчитана для действия на молодежь», что в ней дается «апотеоз и оправдание политического преступника, долго бывшего, по своей литературной деятельности, оракулом петербургской молодежи», т. е. Чернышевского. По мнению цензора, автор очевидно хотел «вызвать у читателей сочувствие и удивление к людям, подобным Чернышевскому, заставить смотреть на их действия как на стремления возвышенные по цели, но преждевременные и потому не понятые толпою». ¹ Еленев обращал внимание на то, что высшие сословия, административные круги изображаются Бобровским в резко-отрицательных тонах, развратниками и идиотами, сочувствием же пользуются политические преступники или лица, связанные с ними. В сцене гражданской казни читатели, по словам цензора, узнают в преступнике Чернышевского: «Описания этой сцены и предпосланные ей воспоминания рассчитаны на то, чтобы представить преступника в ореоле мученика, погибающего за свои великодушные, но не признанные толпою стремления, чтобы возбудить в читателе удивление к его непреклонности и в то же время внушить ему негодование и отвращение к действию карающего закона». ² Один из основных персонажей книги, Ильменев, оценивался как

¹ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1866, № 55, л. 7, об., 8.

² Там же, л. 5, об.

агитатор, «выставленный в самом привлекательном свете».³ Упоминался ряд криминальных, с точки зрения цензора, эпизодов, намеков на подкуп властями редакторов газет и журналов, на платных полицейских агентов, на лиц, занимающих высокое положение и т. п. В результате делался вывод, что книга имеет «видимую целью порицание правительства, будто бы ссылающего лучший цвет молодежи, закупающего редакторов газет и ставящего во главе управления бездарных и бездушных сумасбродов».⁴ На основании подобных заключений, комитет решил подвергнуть книгу аресту, «как вредную и опасную, и возбудил против автора судебное преследование».⁵ В ходе разбора выяснилось, что половина глав книги была напечатана еще до отмены предварительной цензуры в «С.-Петербургских ведомостях»⁶ и что автором «Всяких» является А. С. Суворин.⁷ В 60-е гг. Суворин еще не был тем реакционным журнальным дельцом, каким он стал позднее, в период издания «Нового времени». Он сотрудничал в «Современнике», был связан с демократическими кругами. Если принять всерьез хотя бы часть обвинений, высказанных цензурой по поводу книги «Всякие», то Суворин предстанет чуть ли не убежденным революционным демократом, пропагандистом идей Чернышевского. Обвинения, выдвинутые против Суворина, весьма серьезны, даже если учитывать напряженность обстановки, сложившейся после выстрела Каракозова, усугублявшая подозрительность цензуры. Исследователи, останавливаясь на запрещении книги «Всякие», указывают, что «радикальствующий» Суворин заигрывал с демократами.⁸

Анализ книги Суворина показывает, что уже в 1860-х гг. его «либеральничание» было весьма условным. Во время процесса защитник Суворина К. Арсеньев доказывал, что книга «Всякие» не столь уж крамольна. Он обращал внимание, что Ильменев приходит в конце к выводу: «агитация вещь вздорная и бесполезная», молодые силы губят себя напрасно, «за минутное увлечение надо платить им слезами».⁹ Аналогичным образом истол-

³ Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше учрежденною 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, СПб., 1870, ч. 3, отд. 1, стр. 66. В дальнейшем: Материалы.

⁴ Там же, стр. 67.

⁵ Там же, стр. 65.

⁶ 1865, №№ 165, 171, 174, 181, 195, 201, 227, 229.

⁷ Во второй половине 1850-х гг. Суворин работал учителем истории и географии в Бобровском уездном училище. Отсюда псевдоним: Бобровский. См. Дневник А. С. Суворина, М.-П., 1923, стр. 207.

⁸ Например, Б. Наумов, Русская литература 60-х годов в оценке министра внутренних дел П. А. Валуева, «Лит. наследство», т. 25—26, М., 1936, стр. 682.

⁹ Материалы, стр. 73, 74.

ковывал книгу и сам Суворин. Он указывал, что, по его мнению, «прежние незаконные (т. е. революционные — П. Р.) попытки сделались так ничтожны, что к ним можно относиться спокойно. Мне хотелось подействовать на крайних людей словом убеждения или насмешки. С этой целью я старался обрисовать лицо крайних убеждений, но не безнравственное, я старался показать на этом лице, сколько оно выстрадало вследствие увлечений, как увидало оно невозможность продолжать прежнее дело и добровольно удалилось из России. Оно удалилось потому, что не нашло почвы для своей пропаганды, что сознавало себя совершенно лишним, отжившим среди здоровых общественных сил, которые выступили вперед».¹⁰ При разборе апелляции Суворин повторял те же самые доводы, протестуя против отождествления мыслей автора и его героев, ссылаясь на пример Гоголя, Грибоедова. Уже в этих оправданиях всплывает вопрос об антинигилистической литературе. Суворин заявлял, что, показывая несостоятельность Ильменева, он не мог отнестись к нему с тем дешевым остроумием, с каким относятся к подобным героям авторы многих повестей.

Конечно, делать выводы об объективном смысле книги на основании оправданий защитника и обвиняемого столь же рискованно, как и на основании доказательств обвинителя. Но в данном случае Суворин, затушевывая отдельные детали, был, в основном, правдив, разъясняя замысел «Всяких». Анализ содержания книги это подтверждает.

Суворин относится с явным осуждением к торжествующей реакции. Он неоднократно упоминает в резко-отрицательных тонах московских публицистов, то прямо называя Каткова и Леонтьева по именам,¹¹ то изображая их под весьма прозрачными псевдонимами: К—в, Л—ьев (с. 180—181). Катков, видящий везде измену, иронически сравнивается с Маратом. Говорится о пожарах, о слухах, что в поджогах виновата молодежь, о том, что негодяи поддерживают такие слухи. С насмешкой вспоминаются «пожарные фельетоны» Стебницкого (с. 184, 185). Последний, видимо, имеется в виду, когда речь идет о распавшейся коммуне, описанной в мерзких тонах одним беспринципным «обличителем» (с. 140). То иронически, то с крайним осуждением изображен Скарятин, газета «Весть», поместившая пасквильную статью против некоего журналиста, решившего баллотироваться в мировые судьи, т. е. против Ю. Г. Жуковского (с. 237, 249). С насмешкой рассказывается о Краевском, о газете «Куриное эхо» (с. 71, 103), т. е. о «Голосе» (знаменательно, что для харак-

¹⁰ Там же, стр. 77.

¹¹ А. Бобровский, Всякие, СПб., 1866, стр. 104—105. В дальнейшем ссылки в тексте, в скобках.

теристики «Голоса» Суворин употребляет ироническое название этой газеты, данное Салтыковым). Все эти оценки высказываются от лица то автора, то его героев, но в том и другом случае они выражают мнение самого Суворина.

Изображены в книге и представители революционно-демократического лагеря. Особенно важны упоминания о Самарском, в котором без труда можно узнать Чернышевского. Одна из героинь, Людмила Ивановна, видимо, любит его, с восторгом отзывается о нем. Она с негодованием говорит о Теломарове, т. е. о Вс. Костомарове, об его поддельном письме (с. 74—75). Ильменев был также связан с Самарским, считает его честным человеком, верным своим убеждениям. Вспоминая о наступлении реакции, казнях, плетях, кнуте, Ильменев как бы вновь видит эшафот и на нем преступника. Хотя имени здесь не называется, легко можно узнать сцену гражданской казни Самарского-Чернышевского (с. 186—187). В данном случае, когда речь идет о Самарском, нужно отграничивать отношение к нему его почитателей от авторского отношения, но и здесь можно утверждать, что отношение к Чернышевскому автора и его героев, если и не тождественно, то близко и, во всяком случае, не противоположно. Суворин в 60-е гг. вовсе не враждебен Чернышевскому. История с поддельным письмом Костомарова была хорошо известна автору «Всяких», в частности, от Плещеева.¹² Судьба Чернышевского вызвала сочувствие. Это не значило, что Суворин был в 60-е гг. единомышленником Чернышевского, разделял его взгляды, но он относился к автору «Что делать?» с уважением, видел в нем честного, хотя и ошибающегося во многом человека, пострадавшего за свои убеждения. С таких позиций рисует Суворин, во всяком случае, образ Самарского, возможно, заигрывая с демократическим читателем.

Главное действующее лицо книги «Всякие», Ильменев, изображен человеком, горячо преданным идеям Самарского, его учеником. Это единственный серьезный «нигилист», подробно нарисованный в книге; остальные даны мимоходом.

Однако, сочувственное отношение к Ильменеву вовсе не означает одобрения проповедуемых им теорий. С наибольшей симпатией Суворин говорит об Ильменеве в конце книги, когда тот начинает сознавать несостоятельность революционной борьбы. Последние главы «Всяких» очень важны для понимания замысла Суворина, для уяснения того, что его книга ни в какой степени не оправдывала «нигилизм». Ильменев понимает в конце концов беспочвенность своих теорий. «Голос жизни» звучит все громче в его ушах: «Что же вы сделали для народа?.. Он любит меру и вес. Что положит он на ту чашку весов, которую вы себе присваиваете?.. Народ узнает своих избранных, знает помазанных

¹² А. С. Суворин, *Всякие*, СПб., 1909, стр. XX.

своих... А вы?... Сходите с дороги! Вам не повернуть по-своему колесо жизни, заведенное не вашей рукой, не вашими силами...» (с. 187—188). 22-я глава называется Сувориным «Напрасно истраченные силы». Вспоминая о прежних соратниках, Ильменев думает о Христе, который пришел спасти мир и которого распяли, о светлых надеждах, которые погибли «потому единственно, что нашлись горячие головы и начали проповедывать невероятные, неумеренные теории. Всего им хотелось разом: не желали они ожидать, умнее всех, умнее времени хотели они быть, хотели мир перестроить по собственной фантазии, воображали себя гигантами» (с. 178). В гибели светлых надежд Ильменев видит себя, своих единомышленников: «Мы, именно эти неумеренные, эти увлеченные, дальше уже не пойдём. Песня спета, — фальшиво, нет ли, а спета <...> Он грустно улыбался, вспоминая некоторые подробности пропетой песни. Жаркие споры ведутся, сердца нараспашку, голова работает так неутомно, так судорожно-деятельно, словно в один день хочет переделать то, что под силу столетиям. Голос сотни энтузиастов принимается за голос массы, в страстных порывах забывается благоразумие, совет опытной мудрости топчется в прах и погибает под ядовитыми сарказмами» (с. 179). По мысли Суворина, народ оказывается совершенно равнодушным, и справедливо равнодушным, к призывам революционеров; осуществление светлых идеалов может быть достигнуто лишь на ином пути; Ильменев, оставляя Россию, грустит о родине, благословляет молодые силы на борьбу (с. 263), но это совсем не та борьба, которую вел он и его товарищи, которая оказалась бесцельной и бесполезной. Обвинение совершенно необоснованно истолковало рассуждения Ильменева, как замаскированный призыв к революционной деятельности. На самом деле Ильменев призывает русских матерей и сестер растить своих сыновей и братьев для пользы родины, внушая им, что зло сокрушается не ненавистью и насилием, а любовью (с. 190).

Все сказанное отнюдь не свидетельствовало о склонности Суворина к революционным теориям. Скорее здесь шла речь об опровержении их, характерном для антинигилистического романа. В романах этого жанра не столь уж редко встречались обрисованные с симпатией образы «нигилистов», разочаровавшихся в конце концов в своих взглядах (Хвалынцев в «Панурговом стаде» В. Крестовского, Инна Горобец в «Мареве» Ключникова, Райнер, Лиза Бахарева в «Некуда» Лескова). Суворин стремился, в какой-то степени, противопоставить «Всяких» таким произведениям. С особым возмущением он писал о романе Лескова «Некуда»¹³. Но в сущности изображение конечных итогов дея-

¹³ См. «С.-Петербургские ведомости», 1864, № 200.

тельности Ильменева во многом напоминало антинигилистический роман, аранжированный в несколько более мягкой тональности.

И ряд других деталей повести Суворина напоминал антинигилистический роман. В начале ее нераскаявшийся Ильменев вовсе не вызывает сочувствия, хотя к открыто-пасквильной обрисовке его автор и не прибегает. Ильменев груб, циничен, способен на преступление, если это понадобится для дела; он легко прибегает к силе для разрешения конфликтов, обращается с окружающими довольно бесцеремонно; в нем проглядывают черты умного, но опасного хищника. На персонажей антинигилистического романа во многом похож и князь Щебынин, изображенный в сатирических красках. Он не просто аристократ, а именно аристократ, причастный к «нигилизму», сторонник «Русского слова», противник Антоновича, с гордостью рассказывающий о своем знакомстве с Добролюбовым, одобряющий восстание в Польше. Щебынин пуст и ничтожен, с ним связывается тема «нигилистического» разврата, почти всегда встречающаяся в антинигилистических произведениях. Щебынин овладевает Машей, затем бросает ее, «прижив» ребенка. «Читатель-нигилист, не осуждай его», — замечает от своего имени автор. Он говорит о людях, которые «пользовались нигилистами для удовлетворения своей плоти, благо находились такие нигилисты, которые из принципа плотью своей жертвовали» (с. 30—31). «Нигилист» Щебынин оказывается похожим на крепостника-дядю, обесчестившего Сашу и убитого за это отцом Ильменева. Получалось, что в обоих случаях речь идет об одном и том же, что противоположные «крайности» сходятся.

О «женском вопросе» в специфическом его понимании, свойственном антинигилистической литературе, упоминают и другие персонажи повести. Наталия Петровна, сестра Маши, считает, что князь приревновал к «пустякам», к тому, что Маша ночевала с Ковальским (с. 22). Людмила Ивановна, одна из действующих лиц повести, заявляет, что она презирает женщин, которые, полюбив, не отдаются из-за каких-то нелепых предрассудков. Суворин далек от того, чтобы оправдывать подобные мнения своих героев.

Книга «Всякие» напоминает антинигилистический роман и по деталям своего построения. Она полна намеков, полускрытых, а иногда и открытых упоминаний конкретных лиц, событий. Говорится о пожарах, прокламациях, о восстании в Польше. Сюжет лишь объединяет все эти упоминания, отклики на злобу дня, намеки. В то же время он довольно острый, с элементами приключенческого романа, рассчитан на то, чтобы увлечь неприятельного читателя. Книга подчеркнута идеологична, определена задачами участия в общественно-литературной борьбе, хотя идеологичность «Всяких» менее обнажена, чем в «классических» ан-

тинигилистических романах и повестях. К прямому пасквилью Суворин не прибегает. Нарисованные им персонажи не столь уж откровенно топорны, акценты делаются несколько иные, у авторов антинигилистических произведений и Суворина не совсем одни и те же идеалы, противники. Но этого вряд ли достаточно, чтобы противопоставлять «Всяких» подобным произведениям. Речь шла не о пропаганде революционных теорий, в чем обвиняла Суворина цензура, а о разоблачении их, но более тонкими средствами. Именно такую цель указывал Суворин в весьма подбострастном письме П. А. Валуеву от 12 апреля 1866 г.: «Я писал эту книжку с целями совершенно благонамеренными».¹⁴ Автор «Всяких» прямо связывает замысел повести с задачами борьбы против «нигилистов»: «резкое отношение к людям подобного рода, как это делалось в некоторых литературных произведениях, не достигало своей цели, потому что раздражало не только их самих, но и людей, не разделяющих их образа мыслей. Мне казалось более целесообразным выставить человека честного, искренно преданного своим убеждениям и на нем показать всю тщетность и неприложимость дорогих ему теорий».¹⁵ Суворин писал о преданности царю, о возмущении покушением Каракозова, которое «повергло в ужас и негодование всю Россию».¹⁶ Он просил Валуева верить в его искренность. И он на самом деле на этот раз был искренен. Не случайно «Всякие» были переизданы Сувориным без изменений в 1909 г., с приложением судебных материалов о запрещении книги.^{16а} Издатель «Нового времени» не считал ее чем-то компрометирующим. Он говорил вновь об отсутствии в повести чего-нибудь «крамольного», справедливо находя, что ей просто не повезло. В накаленной обстановке после выстрела Каракозова попытка Суворина опровергнуть «нигилизм» более убедительно, чем делали это авторы антинигилистических произведений, была воспринята властями чуть ли не как попытка пропаганды идей Чернышевского, как реабилитация революционеров. Однако, демократическая печать уловила пасквильные тенденции книги. О них говорилось, в частности, в «Искре». В «Листках из общественной жизни» отмечалось, что даже по мнению прокурора книга Суворина не имеет литературного достоинства и «должна быть рассматриваема, как пасквиль»¹⁷.

¹⁴ ГПБ, ф. 152, оп. 2, № 896, л. 1. Опубликовано в сб.: «Шестидесятые годы», М.-Л., 1940, стр. 406.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, л. 1 об.

^{16а} О запрещении книги «Всякие» см. Материалы, стр. 65..., 102—104; Л. М. Добровольский, Запрещенная книга в России, М., 1962, стр. 54—56.

¹⁷ 1867, № 19, стр. 238.